

Александра Созонова

Цукля

художник Аня Леонова

Александра Созонова

Чукля

«РОСМЭН»

2021

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Созонова А. Ю.

Чукля / А. Ю. Созонова — «Росмэн», 2021

ISBN 978-5-353-09860-7

Однообразные больничные будни тянутся для мальчика Алеши бесконечной вереницей – словно длинный-предлинный товарный поезд. Лишь изредка в череде скучных серых дней случаются просветы: интересная книжка, приятный сон, визиты папы и дружба с больничной нянечкой со странным именем Чукля. Автор этой доброй и трогательной сказочной истории Александра Созонова стала победителем XI сезона конкурса «Новая детская книга».

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09860-7

© Созонова А. Ю., 2021

© Росмэн, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александра Созонова

Чукля

Художник Анна Леонова
© Созонова А. Ю., 2021
© ООО «РОСМЭН», 2021

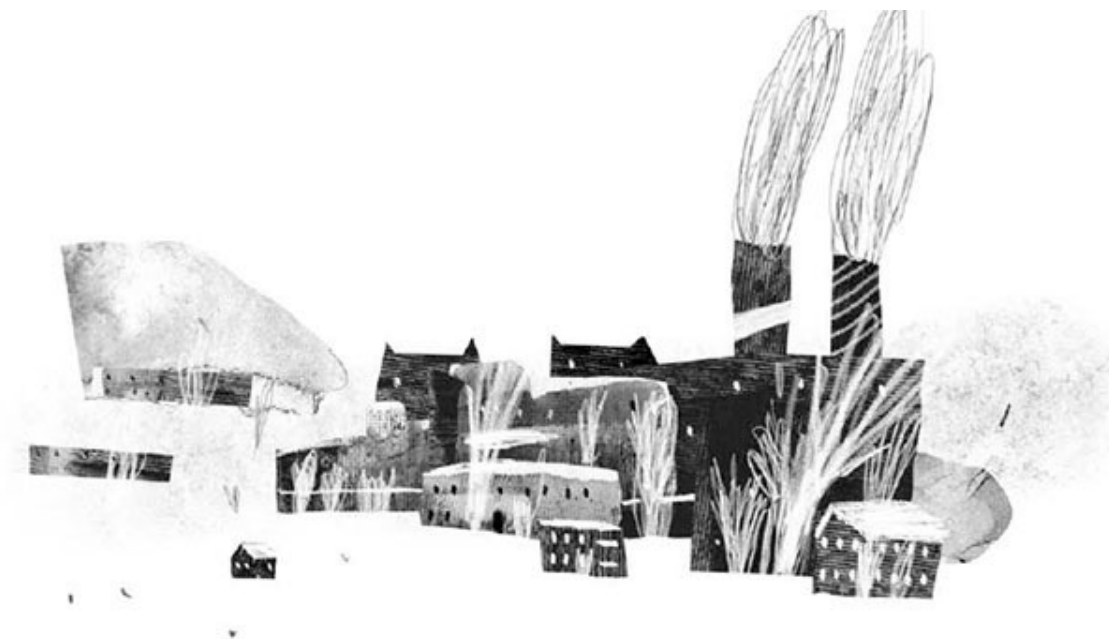
* * *

Посвящается моей маме и Кате

Глава 1

Стук товарных вагонов

В эту ночь Алеше опять приснилась мама.

Она стояла у кромки прибой, загорелая, смеющаяся, и звала его: «Алексейка! Поплыли! Далеко-далеко!..» Голос звенел колокольчиком, пышные волны волос трепал и перепутывал ветер.

Только она звала его Алексейкой: ни папа, ни тетя, ни одноклассники – больше никто. Алеша подбежал к ней, и, взявшись за руки, они кинулись в лазурную воду. Соленую, теплую... И он проснулся.

Было так обидно проснуться на самом прекрасном месте, что он заплакал. И тут же в палате включился свет: ожила тусклая лампочка под потолком, высветила салатного цвета стены, зашторенное окно, столик у кровати.

Могло показаться, что свет зажегся от плача, но это было не так: просто в палату зашла медсестра Зиновка с градусником и горсткой таблеток на блюдечке. Алеша послушно открыл рот, проглотил таблетки и запил их водой из стаканчика на столе. Сунул под мышку градусник.

– Умница, Табуреткин, – не глядя на него, механически похвалила Зиновка и вышла.

Прежде Алеша поправлял ее: «Табуретов», но давно бросил это бесполезное занятие.

Короткий халатик Зиновки, всегда ослепительно белый и накрахмаленный, напоминал Алеше юбочку балерины. Хотя балет он видел только по телевизору. А цокающие каблучки приводили на память пони: один раз, совсем маленьким, Алеша покатался на мини-лошадке с густой челкой в городском саду. Тогда с ним были мама и папа. Тогда они еще гуляли в выходные все вместе.

Алеша знал, что последует дальше: за месяц, проведенный в больнице, изучил распорядок дня до малейших деталей. Через пять минут опять зайдет Зиновка, возьмет градусник, запишет его показания на бумажке на спинке кровати, скажет: «Умница, Табуреткин» (или: «Молодец, Табуреткин») – и выйдет.

Потом придет нянечка Саввишна с завтраком. Поставит на столик тарелку с манной (овсяной, пшенной) невкусной кашей и стакан с какао (чаем с молоком). Тоже что-нибудь скажет: «Кушай и поправляйся», или: «Хлеб не съешь – откуда сила?», или: «Жуй-жуй. Не подавись только: вкушнотища!»

За ней придет молчаливая пожилая санитарка. Имени ее Алеша не знает, а прозвище, которым зовут ее взрослые, забывает. Помнит лишь, что оно смешное. Она не говорит ничего, только, сопя и бормоча что-то под нос, драит пол шваброй. У нее широкие скулы, узкие светлые глаза и большой рот, чаще всего сурово сжатый. Мальчик ее побаивается и рад, когда она уходит, быстро и споро сделав свое дело.

Больше всех с ним разговаривает лечащий врач Игорь Петрович. Он добрый и немного смешной: отчего-то иногда называет его на «вы» и не мальчиком, а молодым человеком. Расспрашивает, присев на край кровати, как спал, много ли раз за вчерашний день ходил в туалет, не болит ли голова или в груди. Медсестра Зиночка, стоя за его спиной, записывает в блокнотик.

Перед уходом Зиночка раздвигает штору и щелкает выключателем. Лампочка гаснет, в палату входит утренний свет. Он слабенький, серенький – потому что сейчас зима, а на севере, в маленьком городке республики Коми, где живет Алеша, зимой дни короткие. Но иногда показывается солнце; оно висит у самого горизонта – красное, похожее на румянец, который выступает на щеках мальчишек в мороз, или яблоко, какие растут только на юге, у моря.

Алеше запрещено вставать и ходить по палате – разве только до умывальника и туалета, но ради солнца он нарушает этот запрет. Ненадолго, на две-три минуты. Идет к окну и ложится грудью на подоконник. Какое же оно красивое – зимнее солнце! И снег. Мягкий, искрящийся, то розоватый, то нежно-голубой. Зима – самое красивое время года. Жаль только, на любовании своей красотой она отпускает так мало времени: три-четыре часа в день.

Прямо за окном белые силуэты деревьев, за ними двухэтажные домики. Справа завод с двумя высоченными трубами. Дым из них обычно идет вертикально в небо – пушистый, светло-желтый, а в ветреные дни стелется горизонтально, закрывая половину неба. Алеше нравится представлять, что это гигантские хвосты двух котов. Сами коты небольшие: их тела умещаются в кирпичных коробках завода. А вот хвосты... На заводе работает Алешин папа: варит металл.

Алеша лежит спиной к окну и лицом к двери. Но когда Игорь Петрович с Зиночкой уходят, он перекладывает подушку и ложится лицом к окну. Пусть хоть два часа, хоть час, но он хочет смотреть не на тускло-зеленые стены, а на солнце и небо. Нянечка Саввишна, когда приходит с обедом, разрешает ему так лежать. А ее сменщица Лидия заставляет перевернуться обратно.

В сущности, это единственное разнообразие в больничной череде дней: то добродушная пухлая Саввишна, то строгая Лидия, то кукольно хорошенькая Зиночка, то ее сменщица Нина с не улыбаемым лицом и тяжелым подбородком. Только страшноватая санитарка всегда одна и та же: сменщицы у нее нет.

Впрочем, один день вырывается из унылой череды: воскресенье. В этот день Алешу приходит навестить папа. Он приносит пакет с апельсинами и йогуртом. И две-три книжки. Жаль, папа не знает, какие из них Алеша уже прочел, а какие нет. Конечно, самые любимые можно и перечитать. Но таких немного. И еще жаль, папа не верит, что его сын читает так быстро: ему кажется, две-три книжки в неделю – более чем достаточно. Сегодня пятница, папа придет только через два дня, а «Том Сойер» уже проглочен (второй раз), как и «Пеппи Длинныйчулок» (в первый и последний: бойкая девочка с попугаями на плечах и сундуком золотых монет Алеше не пришлось по душе: в жизни таких не бывает).

Шесть дней подряд мальчик ждет прихода папы, а тот сидит у него от силы полчаса. Папе некогда. И говорит он почти всегда одно и то же. О маме: она звонила и передавала сынуле привет, скоро вернется из командировки и обязательно его навестит. Алеша слушает и кивает, хотя не верит ни капельки: прежде мама никогда не уезжала в командировки, а позвонить могла бы ему напрямую: под подушкой у мальчика всегда лежит старенький включенный мобильник.

Папа в десятый раз будет объяснять виноватым тоном, отчего Алеша лежит не в детской больнице вместе со сверстниками, а во взрослой, где ему не с кем дружить и играть. Его уговарило заболеть чем-то необычным, чего в детских больницах не лечат. Алеша знает, что папа скажет следом за этим: его слова не меняются, как и слова медсестры Зиновки и нянечки Саввишны. Он попросит прощения, что навещает лишь раз в неделю и ненадолго: приходится много работать. Он взял дополнительную работу, чтобы Алеша лежал в отдельной палате.

«Но может быть, тебе скучно лежать одному? Попросить перевести тебя в общую? Тогда у меня будут деньги на электронную книжку, о которой ты давно мечтаешь».

Электронная книжка – замечательная вещь. В нее можно закачать хоть сто, хоть тысячу книжек и не зависеть больше от папы с его двумя-тремя. Но Алеша отказывается: «Не надо, пап». Он не лежал еще в общей палате, но стены в больнице тонкие, и он слышит доносящиеся оттуда звуки: кашель, храп, хохот, азартные выкрики при игре в карты. Одному спокойнее. Можно смотреть в окно, когда Зиновка раздвигает шторы, читать, мечтать, спать.

Папа говорит мало и одно и то же. Это не мама, с которой они болтали часами по вечерам и в выходные: смеялись, выдумывали смешные истории, рисовали, обсуждали любимые фильмы и мультики. Ни с кем так радостно и легко не болталось, как с мамой... Но когда кончается даже сухая и короткая беседа с папой, становится грустно до слез: в следующий раз его навестят только через неделю.

Больничные дни напоминали Алеше товарный поезд: длинный-длинный, в сто или двести вагонов. Он едет, едет, едет, вагоны мерно стучат по рельсам, и нет этому ни конца, ни края. Вагоны все одинаковые, серые и скучные, и везут они что-то серое и скучное: цемент, или мешки с манной кашей, или сухие иголки от прошлогодних елок.

Правда, в унылой череде вагонов случаются просветы: интересная книжка или счастливый сон. Алеша любил засыпать по ночам: вдруг да увидит маму или что-нибудь почти столь же прекрасное: цветущий луг, облака, резвящихся зверят. Он и днем пару раз засыпал в надежде на просвет в череде вагонов, но дневные сны разочаровали. Почему-то в них не было ничего

светлого или сказочного – лишь обрывки больничных будней, суета и морок, – и больше Алеша старался после обеда не засыпать.

А вообще, за всю его десятилетнюю жизнь никогда не было ему так одиноко и уныло.

Глава 2

Осиновый листик

Сегодня приснилась мама, и на волне маминого голоса, смеха и зова («Алексейка!») Алеша блаженно покачивался и наяву: пока мерил температуру, пока завтракал. Даже отвечая на расспросы Игоря Петровича, ощущал в себе отголоски прибора с бликами солнца и маминой веселой нежности. А потом это прошло.

К тому же Зиночка забыла отодвинуть штору и выключить свет, и под потолком продолжала гореть противная тусклая лампочка. Она навевала дрему, унылую, как перестук товарных вагонов. Выключить лампочку Алеша мог, а вот отодвинуть штору – нет: для этого требовалась особая железная палка. До обеда он боролся с дремой, а после обеда стал сдаваться и едва не заснул.

Заснуть и погрузиться в унылые дневные сны ему не дал звук открывшейся двери. Алеша поднял веки и не поверил своим глазам: в палату зашла санитарка со смешным прозвищем. В руке она держала швабру. Зачем? Утром она уже протерла пол, и второй раз за день делать ей здесь абсолютно нечего. Алеша испугался.

Санитарка молча опустила на колени и принялась шарить шваброй у него под кроватью. Мальчик попытался определить для себя, что же в ней внушает такой страх. Не красавица: узкие глазки, широкий рот – ну и что? Встречались ему и пострашнее на вид. Всегда молчит? Неприятно, но, может, уродилась такой. Что же, что? И тут его осенило: запах. От нее пахло не мылом, не духами, как от остальных женщин, даже не лекарствами. Но тайгой: хвоей, дымом, грибами, дикими зверями. Так необычен был запах тайги в районной больнице, что поневоле испугаешься.

Между тем санитарка провела шваброй под столиком и по всем четырем углам. Она покраснела. Блеклые пряди выпали из-под косынки и завесили скулы и щеки. Видно, поиски не увенчались успехом, поскольку лицо было растерянным и злым. Она поднялась с колен и обратила взор на мальчика.

Алеша сжался от страха. Про себя он решил, что кричать и звать на помощь не будет. Стыдно. Разве что она начнет делать с ним что-нибудь совсем ужасное...

– Это ты взял? – спросила женщина.

И говорила она не как все: глухо, нечетко проговаривая звуки.

– Что взял?

Несмотря на испуг, голос его слушался, и это радовало.

– Листок. Осиновый!

– Что-что? – удивился мальчик.

– Аль глухой? Отдавай добром!

Она грозно прищурилась и скрипнула зубами.

– Я ничего не брал.

– А кто брал? – Санитарка надвинулась на Алешу, сведя редкие светлые брови. – Мишка из леса? Я последней твою палату драю. Отдыхаю перед этим чуток. Нынче, когда отдыхала, вынула – всегда его в кармане ношу. Полюбовалась. А сейчас гляжу: карман порвался внизу и пустой. У тебя обронила, больше нигде.

Столь длинная тирада всегда молчавшей женщины удивила. Но что отвечать на такое, мальчик не знал.

Решив от слов перейти к делу, санитарка бесцеремонно открыла тумбочку и пошарила там.

Две книжки, половина апельсина, фонарик, горстка игрушек из киндер-сюрпризов – таков был небогатый улов. Она решительно отодвинула мальчика и перевернула подушку – и под ней ничего, кроме телефона. Алеша забился в угол кровати: по логике вещей теперь его будут обыскивать. «Кричать? Не кричать?» – стучало в голове бедняги.

Но обыскивать его санитарка не стала. Вместо этого пригорюнилась. Присела на край постели, испустила тяжкий вздох.

– Ох... Как же жить-обитать мне без него теперя... Хучь в прорубь головушкой окунайся...

Алеша ощутил жалость к несчастной. Это чувство поглотило обиду от несправедливых обвинений и обыска тумбочки.

– Давайте я помогу вам отыскать эту штуку, – предложил он. – Это настоящий листик?

Женщина махнула рукой.

– Лежи уж! Проку с тебя...

– С меня есть прок! – не согласился мальчик.

Он соскочил с кровати и пошатнулся. Вообще-то вставать Алеше было нельзя – разве что дойти до умывальника и туалета, которые находились рядом, в палате.

– Лежи-лежи! – испугалась санитарка. – Доктор меня заругает, что расшевелила тебя!

– А он не узнает.

Алеша сообразил, что нужно делать. Если осиновый листик точно потерян здесь, он отыщет его в два счета.

Он взял из тумбочки фонарик и стал водить лучом по всем углам, освещать все тени – под кроватью, под столом, под тумбочкой. Ни-че-го. Наконец луч фонарика осветил пыльную полосу пола под батареей. Ура! У самой стены лежало что-то маленькое и блестящее.

Алеша просунул под батарею руку и вытащил находку. Не успел он рассмотреть таинственный листик, как тот был вырван из его ладони.

– Вот он, миленький! Нашелся, хвала светлым духам!

Алеша хотел поправить, что не нашелся, а был найден, и не кем-нибудь, а им, и никакие светлые духи при этом не присутствовали. Но из скромности промолчал. Ему было обидно, и даже вдвойне: ему не дали разглядеть таинственную штуковину и даже самого захудаленького спасибо не сказали. Единственное, что Алеша заметил: и формой, и цветом то был вылитый осенний листок, но на ощупь не мягкий, а твердый, словно пластмассовый, и к тому же блестящий.

Неблагодарная санитарка прижала находку к губам, а затем сунула в карман халата. Сообрав, что в кармане дыра, тут же вытащила и зажала в кулаке. Выскочила из палаты, спустя секунду опять заскочила, схватила забытую швабру и унеслась, уже насовсем.

Когда она целовала свою заветную штуковину, лицо ее, искривившись от радости и нежности, стало простодушным и беззащитным. И Алешу озарило: он вспомнил прозвище. Чукля! Да-да, этим непонятным и смешным словом называли ее здесь все. И больные: «Эй, Чукля, убери-ка ведро с дороги!», и медсестры: «Чукля, в третьей палате пол совсем сырой – хоть рыб запускай!», и даже врач Игорь Петрович: «Чукля, пожалуйста, когда убираетесь в палатах, грохочите потише: некоторых пациентов шум раздражает и расстраивает».

Но может быть, это имя, а не прозвище, раз все ее так зовут? Правда, Алеша никогда не слышал такого имени и даже не читал в книжках. Слишком оно забавное. Трудно представить, что какой-то папа или какая-то мама называли так свою дочку: в детском саду задрязнят, а потом и в школе.

Наверное, она иностранка, решил мальчик. Финка, лапландка, гренландка. Потому и не похожа ни на кого, и пахнет от нее необычно.

На этой мысли Алеша успокоился. Да, жалко, что не удалось подержать в руках необычную вещицу, не удалось разузнать, для чего она и почему ее потеря может свергнуть в такую печаль. Но что поделать: какой спрос с иноземки?

Глава 3

Неожиданный подарок

На следующее утро Алеша покорно приготовился к стуку колес унылого товарняка.

Была суббота, папа придет только завтра, значит, в предстоящие сутки никакого просвета не ожидается. Вчерашнее событие – небольшой прорыв в цепи серых вагонов – вспоминалось как случившееся давным-давно. Ну блеснула на миг непонятная вещица, ну вспомнил нелепое прозвище санитарки – и что с того? Разве будет продолжение?

Однако продолжение последовало.

После завтрака (овсяная каша, какао, возглас Саввишны: «Лопай, не сомневайся: вкуснотища!»), как всегда, пришла санитарка со шваброй. Впрочем, уже не безликая женщина, а Чукля. Повозив шваброй по полу, пошуршав ею под столом, она неожиданно присела на кровать и вытащила из кармана – нет, не блестящий листочек, а баночку с чем-то золотисто-коричневым.

– На вот, с чайком попей!

– Что это? – удивился Алеша неожиданному дару.

– Медок. Да не простой, а таежный – от диких пчелок. Такой мишки лопают.

– Спасибо. – Мальчик опасливо взял из ее рук баночку, оглядел и поставил на стол.

– Это я тебе спасибочки должна сказать. За вчерашнее! Даже если бы дотумкала за батарею заглянуть, моя лапища ни за что бы туда не пролезла.

– Ничего, мне нетрудно, – вежливо откликнулся Алеша. – А что это за листик? Он ведь не с дерева.

Алеша все еще не мог привыкнуть к неожиданной разговорчивости прежде молчавшего существа и потому чувствовал себя неловко.

– Это пропуск мой.

– Пропуск куда?

– А это не твоего ума дело! – Сообразив, что обидела того, кого только что благодарила, санитарка виновато улыбнулась. – Не серчай! Не обо всем балакать можно.

– Я не серчаю. Секрет так секрет.

– А я спервоначала тебя боялась! – призналась Чукля и тут же фыркнула: самой показалось смешно.

Мальчик не поверил своим ушам.

– Вы? Меня?..

– Ну да. – Она хихикнула. – Тебя ведь в отдельную палату запихали. Я и кумекаю: большая шишка к нам пожаловала! Шишка большая, а сам ты мелкий, от пола полвершка. Что за дела этикие? Никак карлик?

Алеша засмеялся.

– Карлик? Ну вы даете!

– А чего еще я могла подумать? Начальство, да еще карлик – ух и злущее, видать. Вот и тряслась! Не замечал? Старалась пол как можно скорее надраить и прочь унести. Пока, осердясь, с кровати не запустил чем-нибудь – тапкой или там книжкой толстенной.

Мальчик расхохотался еще звонче: он живо представил, как трясущаяся от страха Чукля драит пол в его палате, а он в это время, стуча зубами, ждет не дождется, когда она выйдет.

– Смешно? Ужо тебе! – Чукля шутя замахнулась на него шваброй.

Но в этот момент – очень не вовремя – в палату вошел Игорь Петрович в сопровождении верной Зиновки. Утренний обход. От открывшейся ему сцены врач потерял дар речи.

Чукля мигом выскочила за дверь, не забыв прихватить ведро с водой и швабру. Судя по раздававшемуся в коридоре грохоту, ведро впопыхах она уронила.

– Что произошло, Алексей? – Игорь Петрович вперил в пациента строгие и удивленные глаза.

– Н-ничего. – Мальчик не нашелся что ответить.

– Она с приветом, Игорь Петрович, – объяснила Зиновка. – С тараканами.

– Тараканов в нашей больнице быть не должно! – отрезал врач. – Иначе санинспекция такой штраф наложит – мало не покажется.

Зиновка прыснула.

– Это не те тараканы, а головные!

– То есть вши? – Игорь Петрович нахмурился совсем грозно.

Через секунду он рассмеялся, и Алеша понял, что врач шутит. И нисколько он на Чуклю не рассердился.

– Ладно, пусть это чучело таежное тебя развлекает, – заключил Игорь Петрович. – Смеяться тебе полезно. Даже порозовел, и глаза заблестели.

После обеда новая знакомая опять заглянула к нему. Справиться, шибко ли ругался Игорь Петрович и понравился ли медок.

– Совсем не ругался. Улыбался! Сказал, мне полезно смеяться. А мед очень вкусный, спасибо. Никогда такого не ел, – охотно ответил Алеша.

– Еще бы ты его ел! – фыркнула Чукля. – Такой в магазине не продается. Сама его из дубового дупла добыла. Пока мишка туда не наведалься.

Алеша удивился, но расспрашивать, где растут такие дубы, тактично не стал. Вдруг Чукля прихвастнула? Ей будет неудобно. Вместо этого заметил:

– Он так здорово и необычно пахнет: лесом, иголками. Как и ты. Ой, простите: как и вы. Чукля махнула рукой.

– Да ладно! На «ты» привычнее. Невелика птица – на «вы» величать.

– А скажи: почему тебя прозвали Чуклей? И что это значит?

– Ты живешь в Коми и не знаешь коми-языка? – поразила Чукля.

– Не знаю. В школе у меня русский класс. Папа ведь у меня русский.

– Эх ты! – Она не на шутку обиделась. Передразнила: – «Папа, папа». Надо знать язык земли, на которой живешь. Стыдоба, Лексей. Ну теперь прощай!

Возмущенно фыркнув, Чукля удалилась – только белый халат прошуршал, да тяжело затопали ноги в старых обрезанных валенках.

Глава 4

Бурундук Сема

Назавтра было воскресенье. В этот день Чукля не мыла полы: у нее был выходной. Потому Алеша не ждал ее появления.

Зато в воскресенье всегда приходил папа!

Пришел он и в этот раз – как всегда, после обеда. И принес все то же: апельсины (никак не мог запомнить, что Алеша больше любит хурму) и клубничный йогурт (а не любимый черничный). Но это пустяки, главное – пришел.

Папа передал привет от мамы и ее обещание скоро приехать. Алеша покивал, улыбаясь. Затем папа спросил, как сынок себя чувствует. Алеша честно ответил, что иногда неплохо, а иногда побаливает спина и голова. Если болит сильно, он зовет медсестру Зиночку или Нину, и они делают ему укол. После укола всегда легче. После его обстоятельного ответа в разговоре наступила пауза. Правда, мальчик при этом очищал от кожуры апельсин, поэтому можно было и помолчать.

– Папа, а что означает слово «Чукля»? – спросил Алеша, прожевав одну дольку.

– «Чукля»? – переспросил папа. – Не знаю. А откуда ты взял это слово?

– Слышал, – уклончиво ответил сын. – Совсем-совсем не знаешь?

– Чукля, мукля, букля, пукля, – пробормотал папа. – Нет, не знаю. Думаю, что-то смешное. Вроде пакли.

– Это на языке коми, – пояснил мальчик.

– Ну вот, а я русский. Языка коми не знаю. Наверное, мама знает.

– А ты не можешь у нее спросить, когда она позвонит в следующий раз?

– Спрошу обязательно, – пообещал папа. – Надо только слово не забыть. И где только откопал такое...

Папа вытащил из кармана записную книжку и вписал в нее незнакомое слово.

– «Чук-ля». Самому интересно стало. Как только позвонит – тут же и спрошу.

Алеша раздумывал, рассказать ли папе про странное знакомство. Будь перед ним мама, он бы ничуть не колебался. Выложил бы со всеми подробностями: и про осиновый пропуск, закатившийся под батарею, и про запах тайги, и про сладкий подарок. Мама бы расспрашивала, ахала, удивлялась. Растолковала бы, что означает странное прозвище. Отведала меда, причмокнув и похвалив угощение...

Впрочем, медом можно угостить и папу – отчего эта мысль сразу не пришла ему в голову?

– Пап, смотри, что у меня есть! – Алеша достал из тумбочки баночку с ложечкой. – Попробуй! Это сладко.

– М-м-м... – Папа попробовал и облизнулся. – Мед! Действительно сладко. Откуда он у тебя?

– Угостила санитарка. Которая пол моет.

– Добрые здесь санитарки. Но знаешь, это очень необычный мед.

– Еще бы! Он не с пасеки, а из дупла дуба. Его медведи едят.

– Вот как? Знаешь, сынок, нужно спросить у Игоря Петровича, можно ли тебе это есть. При твоей болезни можно далеко не все, а это особенный продукт. К тому же не покупной, а самодельный.

– Самодельный, – подтвердил мальчик. – Его пчелки сами делали. – Он испугался, что папа заберет баночку и не отдаст до разрешения врача. – Я завтра спрошу на обходе. Обещаю! А до этого есть не буду, ни капельки.

– Нет, сынок, я спрошу. Завтра по телефону. Я ведь и без того звоню, справляюсь о твоём самочувствии. Надо бы прийти лично поговорить, но – работа проклятая. Не отпустят меня никак.

К счастью, папа не стал забирать баночку, и Алеша благополучно вернул ее в тумбочку.

А вечером пришла Чукля. Хотя Алеша совершенно ее не ждал: во-первых, у нее выходной, во-вторых, вчера она так обиделась на его незнание языка коми и так возмущенно унеслась прочь...

Но она пришла, вопреки всему. Видно, не умела долго держать обиду. И пришла не одна, что самое удивительное.

– Это кто? – потрясенно спросил Алеша, когда из ее рук на кровать к нему выпрыгнуло нечто маленькое и шустрое с пушистым хвостом и пятью темными полосками вдоль спинки.

– Бурундук! – гордо объявила Чукля. – А знаешь, как его кличут? Сема!

– Это мне?! А откуда он взялся?

– Из тайги, откуда ж еще? Тебе, кому ж еще?

Чукля была оживленная и румяная. И всегдашний ее запах усилился: словно и вправду пришла она прямиком из заснеженной тайги.

Бурундук Сема тем временем с кровати перескочил на тумбочку, с нее на подоконник, взобрался, цепляясь когтистыми лапками, по шторе на карниз, пронесся по нему, как канатоходец в цирке, и спикировал на стол. Поумерив прыть, принялся исследовать его поверхность.

– Ух ты! – восхитился Алеша, глядя на ловкого и отважного зверька.

– Дружок-корешок тебе будет, – объяснила Чукля. – А то все один да один. Неладно это.

– Ко мне папа сегодня приходил, – сообщил мальчик.

– Раз в неделю на полчаса? А этот все время с тобой будет. Богат Ермошка: есть собака да кошка. Бурундучок-то и веселый, и смывленный. Золотой малец. Ты только с завтрака-обеда ему чуток откладывай да водички наливай. Вот сюда. – Она вынула из кармана блюдечко и маленькую мисочку. – Он спасибо говорить не умеет, но зато по-другому отблагодарит.

– А его у меня не заберут? – с опаской спросил мальчик.

– А я его научила, что делать. Как шаги за дверью заслышит – нырк под кровать да и затихарился там. Не бойсь, он умный. Поумнее многих, что здесь бока на кроватях отлеживают.

Алеша протянул к зверьку руку.

– А погладить его можно?

– Это как он сам решит. Он зверь самостоятельный: станет тебе доверять – и погладить даст, и за ушком почесать. Только не обижай мальчика и кормить не забывай.

Бурундучок доверился мальчику и не убежал, когда тот осторожно провел пальцами по полосатой спинке.

– А мед он будет есть?

– Мед не будет. Мед сам лопай – как эта банка кончится, еще притащу. А вот кашку и молоко будет за милую душу.

– А Семой ты его назвала?

– С какой стати? Мамка его так назвала. Ой, забалакалась я с тобой, а мне ведь еще трех своих оглоедов кормить. Побегу я: с утра не лопавши, бедные.

– У тебя есть оглоеды? – удивился Алеша. – А какие они? Они с тобой живут?

– Со мной, где же еще? Я ведь тут, при больнице обитаю: каморка в подвале. И они со мной. Ух и весело нам вчетвером! Ежиха Наташка, хорек Глебушка и заяц Валера.

– Ничего себе! Красота... Целый зверинец.

– А то. Когда тебе получшает и доктор из палаты разрешит выходить, позову в гости. Благо на улицу идти не надо, рядышком тут. На всех поглядишь. А сейчас прощай: зверье оголодалое, того и гляди друг дружкой покушают.

Глава 5

Ужасное происшествие

Знакомство с санитаркой Чуклей оказалось для Алеша поистине ярким событием. Словно кто-то запустил фейерверк в бесконечной череде больничных дней – серых товарных вагонов.

Во-первых, сама Чукля – такая странная и чудная.

Она отныне навещала Алешу дважды в день: утром за мытьем пола они болтали о чем-нибудь по-приятельски и вечером, когда Чукля сидела подольше, беседовали более неспешно.

Во-вторых, бурундучок Сема. Хвостатый дружок оказался неистощим на выдумки, и его проказы скрашивали больничные будни. Он то носился вихрем по палате, то важно расхаживал на задних лапках, то умильно намывал мордочку, то тоненько верещал, выпрашивая вкусненькое: кусок яблока или половинку печенья.

Однажды утром случился конфуз: Алеша не успел спрятать под кровать, как всегда, мисочку с кашей и блюдце с водой. Пришедший на обход Игорь Петрович тут же увидел этот беспорядок.

– Что это? – строго спросил он, кивая на бурундучий завтрак. Поскольку Алеша молчал, не зная, что ответить, врач повторил еще строже: – Как вы, молодой человек, объясните мне вопиющее безобразие? Вы изволили завести без спросу кота?

– Нет-нет. Это мышка! – Мальчик выпалил первое, что пришло в голову.

– Мышка? – Брови Игоря Петровича взлетели под самый край белой докторской шапочки. – Откуда здесь мыши? Только в сентябре в больнице была проведена тотальная дератизация.

– Что-что? – переспросила Зиночка, как всегда преданно замершая за его плечом с блокнотиком наготове.

– Уничтожение грызунов, – объяснил ей, а заодно и Алеше, доктор. – Был подписан акт. Никаких мышей, а также крыс, тараканов и клопов в нашей больнице нет и быть не может.

– Так выдумал он эту мышку, Игорь Петрович, – объяснила с усмешкой Зиночка. – Скучно ему одному, вот и выдумал. А так их конечно же нет и никогда не было.

– Выдумал? – Врач сразу подобрел, строгое лицо разгладилось. (В сущности, он и был большим добряком, как давно смекнул Алеша, а если и напускал порой на себя строгость, то только по долгу службы.) – Это другое дело. Ты и вправду выдумал, что у тебя живет мышь?

Мальчик кивнул. Он с теплотой подумал о Зиночке: надо же, какая молодец. Сам он ни за что бы не догадался объяснить посудку с едой выдуманным зверьком.

– Ах ты, бедняга. – Игорь Петрович потрепал Алешу по волосам. – Даже узники в одиночной камере заводят себе настоящих прирученных паучков, а у тебя мышка – выдуманная. Но знаешь, что мы сделаем? Ты явно поздоровел: глаза блестят, на щеках румянец. Да и температура стала получше. Можешь выходить из палаты. Пока ненадолго, час-полтора в день, а дальше посмотрим. Может, найдешь здесь себе товарищей, и не нужно будет выдумывать мышек и таракашек.

На этих словах Сема, обычно тихо сидевший под кроватью, пока в палате находился кто-то чужой, высунул наружу мордочку с черными бусинами глаз. Видно, заскучал в темноте: в этот раз врачебный обход затянулся дольше обычного.

Зиночка пронзительно завизжала. Игорь Петрович уронил стетоскоп.

Бурундучок мгновенно исчез, но было поздно.

Итогом скандала стало твердое решение доктора провести дератизацию еще раз. Чтобы никаких мышей, ни даже их хвостиков, ни даже мышиных теней в больнице не осталось. Напрасно Алеша уверял, что то была не мышка, а бурундук. Игорь Петрович не на шутку рассердился, услышав это.

– В хомяка я еще мог бы поверить, в ручную белую крысу, морскую свинку – но бурундук?! Вы совсем изолгались, молодой человек! Да будет вам известно, что бурундук – дикий зверь, он водится в тайге, а не в зоомагазине.

– Да мышь это, мышь, Игорь Петрович, – подтвердила переставшая трястись Зиночка. – Что я, мышь от бурундука не отличу?

«Это бурундук, дура! У него полоски и хвост пушистый!» – хотелось крикнуть Алеше ей в лицо, но он смолчал. Во-первых, мама хорошо его воспитала. Во-вторых, он рассудил, что дикий зверь бурундук может понравиться Игорю Петровичу еще меньше, чем тихая домашняя мышка.

– Что ж. – На скулах врача проступили твердые желваки. – Придется провести дератизацию еще раз, и более качественно.

Как назло, в этот вечер Чукля не зашла навестить мальчика. И весь ужас произошедшего пришлось переживать в одиночку. Ночью Алеше даже приснился кошмар: страшная зверюга по имени Дератизация с выпученными красными глазами и когтями, похожими на кривые ножи, гонялась за ним по коридору больницы, норовя вцепиться и проглотить. Мальчик проснулся в поту и долго тяжело дышал, успокаиваясь.

Когда с обычной утренней уборкой зашла Чукля, ей тут же было пересказано в подробностях вчерашнее ужасное событие.

– Он сказал: дер-ратизация! Срочно! Что же будет?!

Но Чукля не заразилась паникой.

– Дуратизация? Дураков ловить будут?

– Мышей!

– И пуцай! – засмеялась она. – Так им и надо, паразитищам.

– Так ведь они Сему за мыша приняли!

– Сему? Ну Сему им не поймать. Не на того напали!

В конце концов Алеша сумел внятно растолковать свои опасения, и Чукля его успокоила.

– Без меня эта дуратизация не пройдет, не бойсь. Всегда пособить зовут: кровати там двигать, мусор убирать. Как только надумают, я тут же Семку к себе заберу. Не насовсем, на время, пока отравы не выдохнется. Поживет в компании Наташки, Глебушки и Валеры – не заскучает с ними, они ведь дружочки. Не дрожи, Лексей, все путем будет.

Алеша сразу взбодрился. Он подозвал тихим свистом зверька и принялся играть с ним, как всегда подвижным, стремительным и вертким, что бы ни происходило вокруг, какие бы страшные «дуратизации» ему ни грозили.

Глава 6

Новые знакомые

Иногда случается так, что событие, которое поначалу кажется нехорошим или даже ужасным, преобразуется в нечто славное или даже прекрасное. Так и на этот раз. Обнаруженный Сема (вот ужас!) подтолкнул Игоря Петровича к решению позволить Алеше выходить из палаты. Пусть на час-полтора в день, но это означало новые знакомства и впечатления – новые просветы в цепи серых товарных вагонов.

На следующий день во время осмотра Игорь Петрович ни словом не упомянул вчерашнее происшествие, не произнес ужасное рычащее слово, сулящее гибель бедным мышам и бурундукам. Но, уже стоя в дверях, добродушно бросил:

– Ну как, молодой человек? Выползли вчера из своей темницы с дрессированным паучком? Погуляли по отделению?

Алеша помотал головой: он был так расстроен, что даже не вспомнил о разрешенной прогулке.

– Почему? – удивился доктор. – Считай это врачебным предписанием: оторвать от матраса зад и до обеда познакомиться с парой-тройкой здешних обитателей.

– Ой, да с кем ему знакомиться, Игорь Петрович? – встряла Зиночка. – С дедом Фомой, что ли, чтоб тот его палкой своей огрел? Или с Кузякиным, с этим его вечным кривлянием и шуточками?

– Почему с Кузякиным? Можно и поближе к его возрасту найти. Вон, Фролов Павел, лет на восемь всего его старше.

– Фролов? – ужаснулась Зиночка. – Так он ведь не говорит совсем!

– Зато рисует и пишет. И вообще, Алексей Табуретов – мужичок самостоятельный. Сам найдет, с кем ему тут дружить.

С этими словами врач вышел. А Алеша отправился в путешествие по отделению в поисках возможных друзей.

В отделении, кроме Алешиной одиночной палаты-люкс, было еще две. Мальчик начал с соседней – той, из которой и днем и ночью к нему доносились разнообразные звуки.

Он зашел и вежливо поздоровался:

– Здравствуйте!

Здесь было шесть кроватей, и с каждой на него смотрело чье-то лицо. Кроме одной, у дверей: лежавший там мужчина отвернулся лицом к стене и на появление гостя никак не отреагировал.

«Привет, малой!», «Здорово!», «И тебе не болеть!» – откликнулось несколько голосов. А один больной, мужчина лет пятидесяти, в мягкой пижаме и шлепанцах, не просто откликнулся, но соскочил со своей кровати, шагнул к Алеше и скорчил язвительную гримасу:

– Смотрите, кто к нам пришел! Наш золотой мальчик, драгоценный китайский мандарин, обитатель одноместной палаты! Осчастливить нас явился, на презренную чернь посмотреть?

Алеша растерялся от такого приема. Он не ожидал ничего подобного. Остальные обитатели палаты молча смотрели на него, и в глазах их читалось: интересно, как малец вывернется?

Мальчик открыл рот для ответа, хотя вряд ли сумел бы выдать из себя нечто твердое и убедительное, но неожиданно лежавший лицом к стене повернулся и грозно рявкнул:

– А ну, оставь парня в покое, Кузякин! Чем он тебе помешал? Зашел, вежливо поздоровался, может, по делу какому или просто со старыми хрычами вроде тебя поболтать, а ты на него окрысился. Завидки берут, что малец в отдельной палате лежит, воплей твоих не слышит, вони твоей не нюхает?

Защитник оказался стариком с лохматыми бровями и полуседой бородой. В изголовье его кровати стояла суковатая палка, о которую тот оперся, помогая себе сесть.

– Про вонь, Фома, чья бы корова мычала, – огрызнулся Кузякин. – Это ты у нас лежачий больной, которому помыться лишний раз невмочь. А малец что? Если по делу какому пришел, то добро пожаловать. А если просто полюбоваться на больных и убогих, как на зверей в зоопарке, тогда пусть лучше прочь идет. В палаточку свою уютную, одноместненькую.

Алеше подумалось: вот как интересно – доктор и Зиночка упомянули Кузякина и Фому с палкой, и они тут как тут. Осталось еще Павла Фролова отыскать.

– Я по делу! – поспешил сказать он. – Мне Павел Фролов нужен.

– Фролов? – протянул Кузякин удивленно. – А на фига он тебе сдался?

– Разговор есть. Он самый молодой тут, старше меня на восемь лет только.

– Восемь лет в твоём возрасте – вечность, – наставительно заметил небритый худой мужчина лет сорока. У него были печальные темные глаза, как у мушкетера Атоса. – Да и вряд ли он станет с тобой говорить, Павлуша Фролов.

– Эт точно! – противно захихикал Кузякин. – Если только жестом поговорит, из одного пальца. самого длинного на ладони!

– И с палатой ты ошибся, – продолжил печальный. – Он в соседней лежит.

– Ну, я пойду тогда, – с облегчением Алеша повернулся к дверям.

– Погодь. Подойди-ка! – Старик Фома поманил его морщинистым пальцем.

Мальчик послушно подошел к его кровати.

– Поговорить хочешь с Павлушкой? Лады. Только учти, ответить тебе он не сможет. И не обо всем следует с ним балакать.

– Это как?

– А так. Глупость паренек сделал: девчонка бросила, так он кислоты наглотался, горло себе прожег. Говорить теперь не может, только шипит. Если что нужно, писать или рисовать приходится. Ты сходи, может, и развлечешь его. Только ни в коем разе не говори с ним о девицах и о всяких там чувствах.

Алеша фыркнул.

– Вот еще! О такой ерунде говорить.

– Для тебя ерунда, а для него – трагедия, – строго отрезал дед. – О погоде можешь поговорить, о фильмах там, о книжках. Только, если заметишь, что тяжело ему с тобой, – не навязывайся. Попрощайся и уходи. Понял?

– Понял.

Алеша неопределенно кивнул всем на прощанье и вышел.

Уже в коридоре ему подумалось: странно, откуда неходячий Фома так много знает о парне, лежащем в другой палате? Кузякин – понятное дело: он ходячий, шустрый, проницательный. Но вот прикованный к постели старик?..

После всего услышанного – несчастная любовь, сожженное горло – Алеше уже не хотелось знакомиться и болтать с Павлом Фроловым. Было как-то боязно. Он бы с удовольствием вернулся в свою «уютную одноместненькую палаточку». Тем более что там его поджидал веселый дружок Сема, у которого, слава богу, ничего не болело и не случалось никаких трагедий. Но выходило нехорошо перед дедом Фомой: Алеша вроде как пообещал ему развлечь несчастного парня. Так что – придется идти.

В соседнюю палату Алеша тоже вошел без стука. Не от невоспитанности, а от смущения. И от смущения же свое «Здравствуйте!» произнес чересчур громко. Здесь было тоже шесть кроватей, и на каждой лежал больной. Все повернулись к нему и вразнобой ответили на приветствие. Кроме одного.

Это и был, как видно, тот самый Павел Фролов – молодой парень, недвижно лежавший с вытянутыми, как у солдата, руками и глядевший в потолок. Горло у него было перевязано бинтом.

– Ты к кому, милоч? – спросил мальчика пожилой мужчина с совершенно лысой, словно отполированной головой и одутловатыми щеками.

– Я к Павлу.

Павел даже не пошевелился, услышав свое имя. Алеша поднял глаза к потолку: что можно с таким исступлением там рассматривать? Трещины в старой побелке и грязноватые пятна, напоминающие материки на карте, – и только. Ничего красивого или интересного.

Мальчику захотелось уйти и больше сюда не возвращаться, но он пересилил себя и подошел к кровати Павла.

– Можно я присяду тут у тебя? Ненадолго.

Парень перевел взгляд с потолка на Алешу. Он был юным, темноволосым, с запавшими глазами, в которых застыла тоска, похожая на черный лед. Может, лучше сразу уйти? Вряд ли такую тоску прогонят разговоры о прочитанных книжках. Но сразу встать и распрощаться было неловко.

Повисла пауза.

– Да ты не спрашивай, садись, милоч, – сказал отполированный. – Ответить-то он все равно не сможет. Ты тот мажорик из одноместной палаты?

Ну вот, опять ему ставят в упрек его палату! И кто такой «мажорик»? Может быть, мазурик?

– Я не мажорик, – твердо ответил Алеша. – И не мазурик. И даже не китайский мандарин! Хоть и один в палате.

Мужчина засмеялся, и остальные больные подхватили его смех.

– Отбрл! – одобрительно воскликнул кто-то.

Алеша вновь повернулся к Павлу.

– Ты «Тома Сойера» читал? – спросил он. – Я знаю, что ты говорить не можешь. Ты мигни, если да. А если нет, – мальчик секунду подумал, – то дерни ртом, как будто усмеешься. Хорошо?

Парень смотрел все так же безысходно-бесстрастно: ни моргания, ни усмешки. Но Алеша не собирался сдаваться так быстро.

– Я два раза читал. И сейчас у меня в палате лежит: папа принес. Он не знает, что я уже прочел, а что нет. Хочешь, тебе дам? Там много веселого. Ты только моргни. И еще есть книжка про девчонку, которую звали Длинныйчулок. Смешное прозвище, скажи? Но мне она

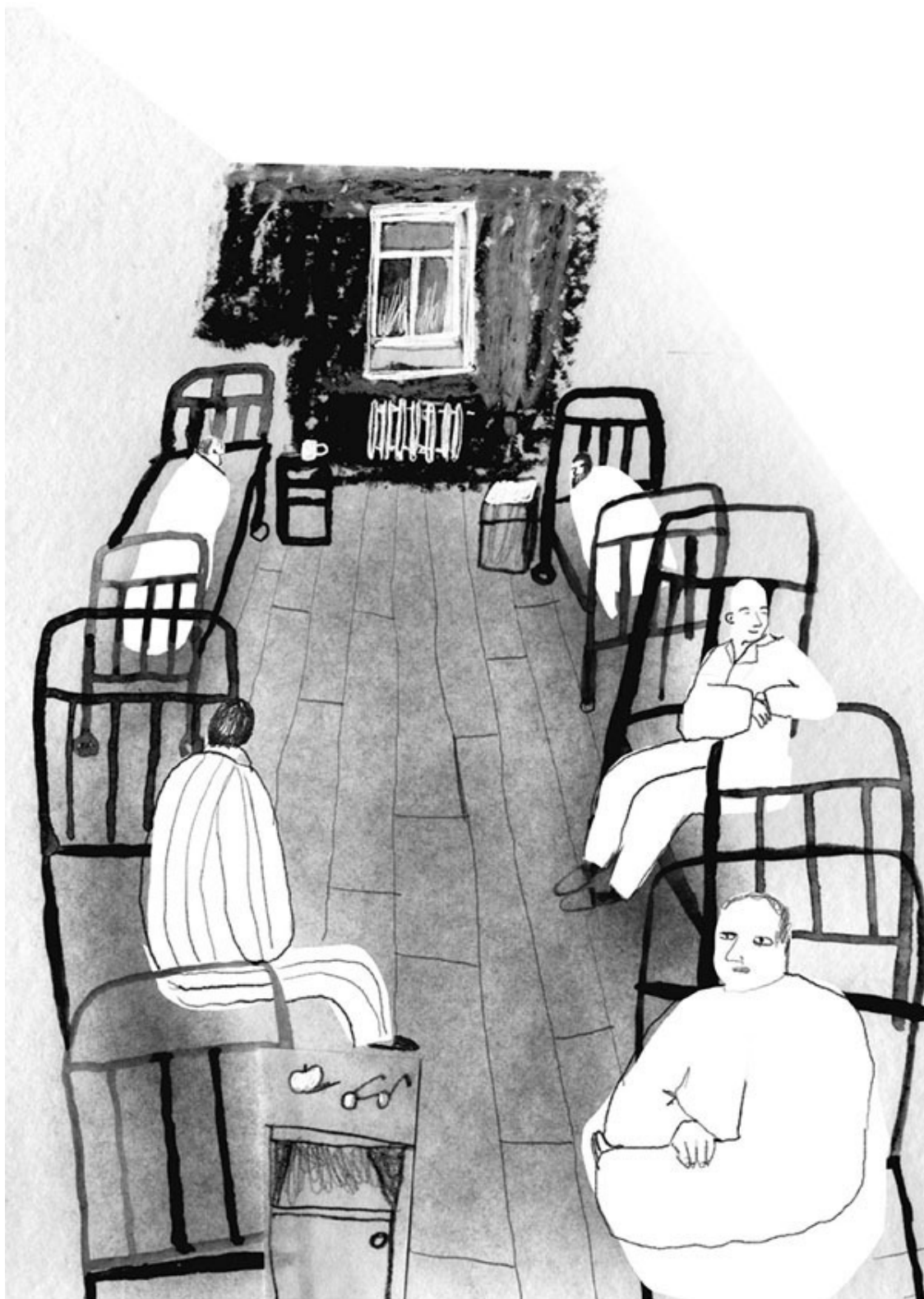
не слишком понравилась, эта книжка: потому что таких девчонок не бывает – с сундуками золота и чтобы одной рукой могла повалить бандита.

Алеша болтал и болтал, а выражение на лице Павла не менялось. У мальчика остался один козырь, самый последний.

– Знаешь, кто у меня здесь есть? Бурундук! Настоящий, из леса.

– Ну, это ты заливаешь, друг, – вмешался лысый дядька. – Книжка про чулок – это ладно. Но вот бурундук из леса? Во-первых, где ты его взял? Во-вторых, кто тебе позволил держать его в палате?

Алеша чуть было не выпалил, что зверька подарила Чукля, принеся из самого настоящего леса, а живет он в палате тайком. Но вовремя прикусил язык: чуть не выболтал сглупу важную тайну, чуть не подвел друзей!

– Пошутил я про бурундука, – пробормотал он, опустив глаза. – Отец обещал купить, если отметки в школе хорошие будут. А в больницу его нельзя: здесь дератизацию проводят.

– Ух ты! – восхитился словоохотливый дядька. – Какие слова знаешь! Я таких не знаю, а малек знает. Так ты точно отличником станешь, и папка пять бурундуков тебе купит.

– Пять мне не надо, – откликнулся Алеша. – Пять я не смогу одинаково сильно любить.

Нагнувшись к Павлу, он прошептал ему очень тихо:

– У меня есть бурундук, честно-честно. В палате. Тебе можно вставать? Когда будет можно, заходи, и я тебе его покажу. Это в конце коридора.

Показалось Алеше, что парень кивнул, или это случилось на самом деле? Во всяком случае, покидал он палату, будучи немного бодрее, чем когда в нее заходил.

Глава 7

По запаху

Вечером Алеша взахлеб рассказывал Чукле о своих новых знакомых.

– Дед Фома такой грозный! Брови косматые, как рявкнет – Кузякин аж присел от страха. Я думал, он его сейчас палкой стукнет – палка огромная, в сучьях, – но нет, не стукнул, пожалел, наверное... А Кузякин противный – кривляется, дразнит меня, что в отдельной палате лежу. Я разве виноват, что папа попросил меня положить в отдельную? Он в две смены из-за этого пашет... А Павел Фролов молчит. Молчит и лежит, в потолок смотрит. Я ему про Сему рассказал, он даже не улыбнулся... Дед Фома сказал, что он из-за какой-то девчонки кислоты ядовитой наглотался и говорить теперь не может... А тот, с полированной лысиной, сказал, что я буду отличником и папа купит мне много-много бурундуков!

Чукля слушала бессвязный рассказ с доброй усмешкой. Когда мальчик замолк, заговорила. Правда, не все было понятно Алеше.

– Фома – он такой, да. Дуб кряжистый! Дубище. Ни ветрам его не согнуть, ни мышам его корни не перегрызть. Лежит, не встает, говоришь, только рявкает? Такие люди и лежа могут горы двигать, и рыком своим в дрожь вгонять поганцев всяких. Крепким дегтем он пахнет и солью морской. Силища.

– Не пахнет он дегтем и солью, – возразил Алеша. – В той палате вообще запах тяжелый, нехороший.

– Дурашка! Я не про тот запах, что каждый почуять может.

– Ты что, специально принюхивалась? Откуда ты это вообще можешь знать?

– Как откуда? Небось, кажинный день полы в их палате драю. А Фому так вообще сто лет знаю. Принюхиваться мне без надобности. Другая у меня чуйка!

Алеша не поверил: слишком самоуверенно для пожилой нелепой санитарки, которую никто не принимает всерьез. Но все-таки спросил:

– А Кузякин тогда чем пахнет?

– Кузякин? Этот не пахнет, а пованивает: плесенью, гнилью подвальной, кротовьей мочой. Не водись с ним, Лексей, – хорошему не научит. И не лайся.

– Очень нужно мне с ним водиться или лаяться! – фыркнул Алеша. – Это он ко мне цепляется – не я к нему. Это ему не нравится, что я в отдельной палате скучаю, а не мне – что ему весело в общей. А с полированной головой дядька – у него есть запах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.